

Н.Я. Грот

**Джордано Бруно и
пантеизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.Я. Грот**
Джордано Бруно и пантеизм / Н.Я. Грот – М.: Книга по Требованию, 2014. –
90 с.

ISBN 978-5-458-54285-2

ISBN 978-5-458-54285-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Джіордано Бруно и пантеизмъ.

(Философскій очеркъ).

Мы намѣрены посвятить настоящую статью оцѣнкѣ значенія философа, великія заслуги котораго въ исторіи мысли несомнѣнны для всякаго, кто безпристрастно изучалъ развитіе европейскаго самосознанія, а несчастная судьба котораго способна вызвать глубокое чувство жалости и негодованія во всѣхъ людяхъ, проникнутыхъ любовью къ ближнему и къ добру. Наука не можетъ не оцѣнить высоко тотъ глубокій слѣдъ, который оставилъ Дж. Бруно въ исторіи новой философіи, и то могучее вліяніе, которое онъ оказалъ на философовъ XVII вѣка, а черезъ нихъ и на всѣхъ мыслителей XVIII и XIX столѣтій, — человеческое сердце не можетъ не прійти въ искреннее умиленіе передъ геройскимъ самопожертвованіемъ этого человѣка, отдавшаго спокоествіе, счастье и, наконецъ, самую жизнь ради служенія тѣмъ великимъ идеямъ, которыя онъ считалъ истинными.

Въ настоящее время, въ отечествѣ Дж. Бруно, въ Италіи, возникла мысль поставить памятникъ этому герою человеческой мысли въ томъ самомъ городѣ, а именно въ Римѣ, въ которомъ онъ былъ сожженъ инквизиціей на кострѣ, 17 февраля 1600 года, за свое смѣлое служеніе истинѣ. Комитетъ по сооруженію этого памятника обратилъ къ выдающимся ученымъ и мыслителямъ всѣхъ странъ, съ просьбою поддержать его въ этомъ благомъ предпріятіи. Викторъ Гюго, Эрнестъ Ренанъ, Куно Фишеръ обѣщали ему свою поддержку. Желая однако же какъ можно болѣе распространить сочувствіе къ своему предпріятію

среди иностранцевъ, комитетъ одновременно обратился съ просьбою объ устройствѣ публичныхъ чтеній о Дж. Бруно и къ болѣе скромнымъ труженикамъ въ области философіи въ другихъ странахъ Европы, и этимъ объясняется, почему и на нашу долю выпала честь сдѣлаться недавно истолкователемъ доктрины великаго пантеиста передъ одесскою публикой. Настоящая статья является только болѣе подробнымъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ, которые были изложены нами въ публичной лекціи о Дж. Бруно ¹⁾.

Впрочемъ задачи настоящей статьи въ научно-историческомъ отношеніи самыя скромныя. Авторъ ея не имѣлъ возможности достать нѣкоторыя изъ многочисленныхъ сочиненій Дж. Бруно, и потому не можетъ претендовать на честь считаться специальнымъ знатокомъ его системы. Да если бы онъ и задался цѣлью ознакомиться со всѣми философскими трудами Бруно, то эта задача едва ли была бы выполнима въ предѣлахъ Россіи. Дѣло въ томъ, что Дж. Бруно былъ до послѣдняго времени однимъ изъ наиболѣе заброшенныхъ философовъ. Первые изданія его сочиненій, запрещенныхъ при его осужденіи и частію истребленныхъ католическимъ духовенствомъ, такъ рѣдки, что ихъ нельзя найти собранными даже въ лучшихъ иностранныхъ бібліотекахъ и непосредственное знакомство съ ними доступно лишь немногимъ иностраннымъ ученымъ ²⁾. Въ 30 годахъ были предприняты новыя изданія итальянскихъ и латинскихъ сочиненій Дж. Бруно ³⁾; но и эти изданія частію остались неоконченными, частію уже разошлись въ продажѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ итальянское правительство предприняло новое изданіе, на государственныя средства, латинскихъ сочиненій Дж. Бруно, которое и было поручено профессору философіи Пизанскаго уни-

¹⁾ Прочитанной 10 февраля наст. г. въ актовомъ залѣ Новороссійскаго Университета.

²⁾ Ср. бібліогр. замѣтку професс. Зиггарта въ *Gott. gel. Anz.* 1881. St. 1, 2, стр. 25—26. Гартунгъ, въ монографіи *Grundlinien d. Ethik bei J. Bruno*, Лpz. 1878, сообщаетъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ за экземпляръ маленькаго итальянскаго сочиненія Бруно «*Lo spaccio de la bestia triomphante*» платили по 200 талеровъ и до 1130 фряжковъ.

³⁾ Итальянскихъ—Вагнеромъ въ 1830 г., латинскихъ—Гоёберомъ въ 1834 году.

верситета Фіорентино; но оно тоже еще не доведено до конца, а между тѣмъ проф. Фіорентино недавно умеръ. Притомъ и это изданіе въ ученое отношеніи страдаетъ многими недостатками¹⁾. Хорошихъ переводовъ сочиненій Дж. Бруно на болѣе распространенные европейскіе языки, французскій и нѣмецкій, тоже почти нѣтъ, за исключеніемъ одного сочиненія Бруно «О причинѣ, началѣ всего и единомъ», прекрасно переведеннаго на нѣмецкій языкъ въ философской библіотекѣ Кирхмана²⁾; а затѣмъ, изъ числа многочисленныхъ сочиненій Бруно есть и такія, которыя извѣстны только по заглавіямъ и не разысканы даже западными учеными³⁾.

Точно также и біографическія свѣдѣнія о скитальческой и многострадальной жизни Дж. Бруно еще во многихъ отношеніяхъ сбивчивы и туманны⁴⁾, и такихъ изслѣдованій, которыя бы совершенно исчерпывали задачу всесторонняго описанія и истолкованія жизни, дѣятельности и доктрины Дж. Бруно, нѣтъ до настоящаго времени и въ западной литературѣ⁵⁾.

¹⁾ Ср. упом. бібліогр замѣтку Зигварта о 1 части I тома изданія Фіорентино (*Jordani Bruni Nolani opera lat. conscripta, recens. F. Fiorentino. Vol. I, P. I, Neapoli 1879*), стр. 26—32.

²⁾ *Philos. Bibl. v. Kirchmann. 53-й выпускъ. G. Bruno. Von der Ursache, dem Princip n. d. Einen, aus dem Ital. ueb. v. Ad. Lasson, Berl. 1872.* Въ цитир. ниже сочиненіи Рикснера и Зибера есть еще переводъ сочин. «О безконечномъ дѣломъ и о мірахъ», но по выраженію Лассона переводы Р. и З. полны величайшихъ недоразумѣній.

³⁾ Такая судьба постигла напр. юношеское сочиненіе Бруно «Ноевъ Ковчегъ», а также систематическое изложеніе его доктрины, начатое имъ въ Венеціи, въ домѣ Мочендо, которое вмѣстѣ съ прочими бумагами его попало въ руки инквизиціи и хранится вѣроятно въ ея архивахъ въ Римѣ. Карриеръ въ своей статьѣ въ *Zeitschr. f. Philos.* (см. ниже) выражаетъ сожалѣніе, что ни онъ, ни кто другой не догадались во время революціи въ Римѣ (въ 1848 г.) обыскать, съ цѣлью открытія новыхъ рукописей и документовъ о Дж. Бруно, архивы инквизиціи. Несомнѣнно, что въ этихъ послѣднихъ еще много неизвѣстнаго ученнаго матеріала для выясненія событій жизни и ученнаго Бруно.

⁴⁾ Напр. еще и теперь между учеными существуетъ разногласіе о томъ, переходилъ ли Бруно изъ католическаго вѣроисповѣданія въ какое-либо другое, или нѣтъ.

⁵⁾ Извѣстнѣйшія монографіи о Дж. Бруно въ зап. литературѣ слѣдующія: *Schelling. Bruno oder über d. natürl. u. göttl. Princip der Dinge, Berl.*

Въ частности, въ Одесскихъ библіотекахъ нѣтъ даже нѣкоторыхъ изъ немногочисленныхъ монографій о Дж. Бруно, которыми были у насъ подъ руками въ другое время, такъ что для новыхъ справокъ и изысканій у насъ въ распоряженіи былъ весьма незначительный матеріалъ: кромѣ нѣсколькихъ сочиненій самого Бруно — двѣ, три монографіи, нѣсколько статей въ специальныхъ философскихъ журналахъ и словаряхъ, наконецъ, изложенія системы Бруно въ сочиненіяхъ по исторіи философіи¹⁾.

Къ счастью, важнѣйшія событія въ жизни Дж. Бруно и важнѣйшіе элементы его доктрины на столько уже твердо установлены въ послѣднее время наукою, что общее освѣщеніе и опредѣленіе значенія его ученій и его дѣятельности, въ особенности въ формѣ популярной статьи, предназначенной для публи-

1802, *Rixner u. Siber. Leben u. Lehrmeinungen berühmter Physiker d. XVI u. XVII J. V Heft. Jordanus Brunns (съ портретомъ), Sulzbach. 1824, Falkson. G. Bruno (родъ романа), Beil 1846, Bartholmäss. J. Bruno. Par. 1846—47., Clemens. G. Bruno u. Nicolas v. Cusa, Bonn. 1847., M. Carrière. Die philos. Weltanschauung d. Reformationszeit, Stuttg. 1847., s. 365 ff., Scartazzini G. Bruno, ein Blutzeuge des Wissens. Vortr. Biel. 1867, Dom. Berti. Vita di G. Bruno da Nola. Turin 1868, Hugo Wernicke. G. Bruno's Polemik gegen Aristoteles. Dresd. 1871, Pietro Bionda. G. Bruno, discorso. Lecce. 1873, Colocci. G. Bruno. Roma. 1876, Hartung. Grundlinien einer Ethik bei G. Bruno, Lpz. 1879, Brunnhofer. G. Bruno's Weltanschauung. Lpz. 1882 и др. Изъ нихъ важнѣйшими въ научномъ отношеніи должно считать труды Бартольмеса, Карьера, Верти и Брунгофера.*

¹⁾ Изъ статей въ журналахъ мы пользовались статьями *Carrière'a* въ *Zeitschr. f. Philos.*, 54 т. (1869): *Neue Thatsachen zu G. Bruno's Leben u. Lehre, Barach'a* въ *Philos. Monatshefte*, XIII т. (1877): *Ueber die Philosophie d. Giord. Bruno (двѣ статьи), Lasswitz'a* въ *Vierteljahresschr. f. Wissensch. Philos.*, VIII Jahrg., I H. (1884): *G. Bruno und die Atomistik*; статей *Berti* и *Manzoni* въ *La Filosofia della scuola italiana* (1876 и 1878) мы не могли достать (очень интересна статья Манцони о доктринѣ любви у Бруно и Шопенгауэра и объ аналогіи ихъ). Въ исторіяхъ философіи мы пользовались изложеніями Ибервера, Вебера, Виндельбанда и др., а также прекрасною статью о Бруно въ *Philosophie-gesch. Lexicon Noaka*, 1879. Наконецъ, мы читали подъ руками монографіи Шеллинга, Рикснера и Зибера, Клеменса, Гартунга. Уже послѣ написанія этой статьи мы познакомились съ «Биографіею Джордано Бруно», напечатанною А. Н. Веселовскимъ въ *Вѣстникѣ Европы*, 1881, Декабрь, на которую мы и сдѣлали вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько ссылокъ.

ки, едва знакомой даже съ именемъ этого мыслителя, возможно, — и должно принести, по нашему мнѣнію, известную пользу.

Но именно, въ виду указанныхъ причинъ, нашей цѣлью будетъ сгруппировать лишь важнѣйшія черты въ жизни и доктринахъ Дж. Бруно, которыя дали бы возможность освѣтить общее значеніе этого мыслителя въ ряду представителей новой философіи и выяснить философскую цѣну его системы не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ, когда всѣ мы такъ сильно нуждаемся въ обновленіи своего міровоззрѣнія.

I.

Дж Бруно по своему міровоззрѣнію былъ пантеистомъ, т. е. онъ вѣрилъ въ полное взаимное проникновеніе двухъ началъ, божественнаго и вещественнаго, въ дѣйствительно-существующемъ мірѣ, почему и признавалъ причиною и источникомъ всего существующаго единое начало, объединяющее въ себѣ упомянутыя два спеціальныя, — а именно Бога-вселенную. Но пантеизмъ Дж. Бруно имѣетъ при этомъ характерную черту, которая очень рѣдко встрѣчается въ исторіи мысли и составляетъ главную особенность его доктрины, а именно: онъ не отрицалъ во имъ «Бога-вселенной» — личнаго Бога, творца міра. Вселенная и міръ для него — различныя понятія. Видимый вещественный міръ есть только продуктъ развитія въ частностяхъ общаго начала въ его вещественной сторонѣ, а именно вселенной, — подобно тому, какъ жизнь, сознание, мысль въ дѣйствительномъ мірѣ суть лишь частныя проявленія развитія мірового принципа сознанія, т. е. Бога. Другими словами, матеріальная и духовная жизнь дѣйствительнаго міра не поглощаютъ собою вполне всей матеріальной и духовной жизни вселенной. Напротивъ, эта послѣдняя, какъ цѣлое, живетъ особою жизнью, подобно тому какъ и организмъ живетъ особою жизнью, какъ цѣлое, — рядомъ съ спеціальною жизнью его элементовъ, — и сознание, мысль «организма» вселенной, говоря новѣйшимъ языкомъ, и есть тотъ Богъ, въ существованіе котораго такъ упорно вѣрять человечество.

Таковъ главный остовъ доктрины Дж. Бруно, которую мы дальѣ изложимъ болѣе подробно. Чтобы оцнить во всей полнотѣ значеніе этой великой доктрины, нужно предпослать изложенію ея рядъ общихъ соображеній о задачахъ философіи и различіяхъ философскихъ міровозрѣній, какъ они выясняются нынѣ изъ исторіи всей новѣйшей философіи, науки и культуры. Руководящей нитью въ этихъ разсужденіяхъ общаго характера будетъ для насъ капитальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ философіи и науки, и о вліяніи той и другой на ходъ чело-вѣческой культуры.

Никто не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что мысль чело-вѣческая есть высшая форма и въ то-же время высшій продуктъ чело-вѣческой жизни. Высшимъ *продуктомъ жизни* она является въ томъ смыслѣ, что, будучи сама лишь высшею формою ея, высшимъ *фазисомъ* ея развитія, она въ то-же время обособилась отъ нея, стала чѣмъ-то самостоятельнымъ, находящимся во взаимодействіи съ нею же, въ ея низшихъ формахъ. Эта дифференціація между мыслию и жизнью, какъ ея основой, произошла въ культурномъ чело-вѣчествѣ давно, — съ тѣхъ поръ, какъ чело-вѣкъ вступилъ въ фазу самосознанія, въ самой низшей формѣ его, — съ тѣхъ поръ, какъ въ кругу жизнедѣятельностей его получила особое мѣсто дѣятельность познаванія. Какъ и почему совершилось это обособленіе, мы теперь не будемъ разсматривать. Для насъ достаточно того факта, что съ извѣстнаго момента чело-вѣкъ начинаетъ сознательно познавать или изучать міръ, съ цѣлью наилучшаго устройства всѣхъ остальныхъ функцій своей жизни. Функціи эти сначала такъ нераздѣльны и перепутаны, что познаніе является еще неразчлененнымъ и однороднымъ въ своихъ задачахъ и направленіяхъ, — и всѣ тѣ роды познанія, которые проявляются впоследствии отдѣльно, въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, философскихъ воззрѣніяхъ, научныхъ изысканіяхъ, оказываются тѣсно слитыми другъ съ другомъ. У всѣхъ древнихъ и, между прочимъ, греческихъ мыслителей религиозное, философское и научное познаніе еще до такой степени слито, что разложить его на элементы крайне трудно. Было, правда, смутное сознаніе необходимости дифференцировать разные роды познанія уже въ древности, напр. у Платона и

въ особенности у Аристотеля, но ясныхъ психологическихъ основаній для этого не существовало. Идея «знанія вообще» поглощала и подавляла всѣ болѣе спеціальныя идеи, въ нее входящія. Всего популярнѣе было различіе между знаніями общими и спеціальными или частными, но и оно представлялось важнымъ далеко не для всѣхъ мыслителей и послѣ Аристотеля надолго ступевалось¹⁾.

Съ распространеніемъ христіанской религіи, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, точно также сбывчивы были представленія о различныхъ родахъ познанія, доступныхъ человѣку и удовлетворяющихъ различнымъ потребностямъ челоѣческаго духа,—такъ что философія, отождествлявшаяся съ наукою, разсматривалась только какъ орудіе доказательства религиозныхъ истинъ и преслѣдовалась во всѣхъ своихъ болѣе свободныхъ проявленіяхъ, — какъ только она выходила изъ роли истолковательницы религиозныхъ догматовъ.

Подъ вліяніемъ возрожденія древнихъ наукъ и философіи въ XV и XVI в., а также подъ вліяніемъ новыхъ религиозныхъ движеній на западѣ, окончившихся паденіемъ свѣтскаго главенства католической церкви въ западной Европѣ, философія и наука, особенно въ протестантскихъ странахъ, быстро эмансипировались отъ своей долгой рабской зависимости,—и познаніе раздвоилось. Вѣра и знаніе, какъ двѣ различныя формы воспріятія истины,—религія съ одной стороны, наука и философія, съ другой, стали существовать и развиваться совмѣстно, хотя вліяніе первой на умы, пропорціонально развитію философіи и науки, замѣтно все болѣе и болѣе умалется.

Это освобожденіе знанія изъ оковъ религиозной догматики конечно породило рядъ новыхъ плодотворныхъ движеній въ области европейской мысли, какъ научныхъ, такъ и философскихъ; но до конца XVIII в. наука и философія еще были совершенно слиты,—если не de facto, то въ теоріи. Правда, уже съ XVII в., а отчасти уже и въ XVI, философы и люди науки—спеціалисты—стали все рѣзче и рѣзче обособляться другъ отъ друга. Но въ теоріи господствовало такое убѣжденіе, что фи-

---

¹⁾ Аристотель съ этой точки зрѣнія различаетъ первую философію (позднѣйшая метафизика) отъ второй философіи (наука), но ниѣ обихъ ставить еще теорію познанія, какъ введеніе во всякую философію.

философія есть только болѣе полная наука, или особая область науки, причѣмъ лишь весьма постепенно созрѣвало мнѣніе, что философія имѣетъ другія задачи, чѣмъ наука, и можетъ быть признана познаніемъ особаго рода, — познаніемъ *субъективнымъ* въ отличіе отъ *объективнаго*.

Въ развитіи этого послѣдняго убѣжденія самую выдающуюся роль игралъ Кантъ. Разграничивъ болѣе рѣзко, чѣмъ это дѣлали предшественники, сущности вещей отъ явленій, и признавъ, что наука можетъ имѣть дѣло только съ явленіями, онъ выбросилъ изъ науки цѣлый рядъ такихъ вопросовъ — о сущности души, матеріи, Бога, которые безраздѣльно признавались принадлежностью науки и философіи, еще не достаточно различавшихся другъ отъ друга. Между тѣмъ, изъ человѣческаго ума вопросы эти не такъ легко было изгнать, — и потому уже самъ Кантъ ищетъ способа другимъ путемъ оправдать ихъ законность, причѣмъ приходитъ къ выводу, что мы можемъ къ нимъ подойти изъ непосредственнаго своего самосознанія, путемъ особой способности «практическаго разума». Это рѣшеніе его и послужило толчкомъ для ясной постановки вопроса объ отношеніяхъ философіи и науки. Самъ Кантъ, признавая два источника познанія, еще ясно не противопоставалъ, сообразно имъ, философіи и науки¹⁾. Но признавъ объектомъ науки только «явленія», онъ невольно привелъ другихъ къ упомянутому противуположенію. Однако и до сего времени оно еще не утвердилось на надлежащихъ основаніяхъ. Дѣло въ томъ, что послѣдователи Канта и вообще всѣ люди мысли, прямо или косвенно находившіеся подъ его вліяніемъ, а таковыми являются къ сущности всѣ люди мысли послѣ Канта, раздѣлились на *четыре* лагеря. Одни, а именно большинство, выходя изъ отрицанія разсудочнаго, теоретическаго познанія сущностей вещей, отвергли всякій другой родъ познанія, кромѣ научнаго, признавая объектомъ этого послѣдняго только явленія, доступныя опыту, — и нельзя не признать, что именно эти люди своею фанатическою, хотя и одностороннею, преданностью наукѣ, были главными виновниками ея быстраго прогресса въ XIX в. Крупнѣйшимъ теоретикомъ этого направленія былъ *Контъ*, признававшій на-

¹⁾ Философіею онъ считалъ главнымъ образомъ самую теорію познанія, т. е. критику познавательныхъ способностей человѣка.

уку о явленіяхъ единственной истинной философіей, въ понятіи «философіи позитивной». Другіе, находя тоже раздвоеніе теоретическаго познанія нежелательнымъ и незаконнымъ, искали вновь доказательства теоретической познаваемости сущностей и, впадъ въ противоположную крайность, дошли до отрицанія всякаго значенія за феноменальнымъ, т. е. собственно научнымъ познаніемъ, возстановивъ значеніе философій, какъ единой истинной науки о сущемъ. Крупнѣйшимъ выразителемъ этого направленія былъ *Гегель*, одинъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Третьи, находя также упомянутое раздвоеніе нежелательнымъ, пытались вновь, различными способами, осуществитъ сліяніе науки и философій и объединить въ одномъ цѣломъ идею знанія вообще. На этомъ поприщѣ трудились въ различныхъ направленіяхъ нѣмецкіе философы реалисты, напр. Гербартианцы, а въ послѣднее время англійскіе философы индуктивной школы, причемъ у всѣхъ ихъ одно общее, что они стараются философій со всѣми ея проблеммами, тѣмъ или другимъ способомъ, снова включить въ науку, какъ особую составную ея часть. Это-то стремленіе и породило столь популярный въ настоящее время взглядъ на философій, какъ на науку общую въ отличіе отъ специальныхъ, — какъ на науку, синтезирующую выводы всѣхъ специальныхъ наукъ, — взглядъ наиболѣе талантливо проведенный въ «Основныхъ началахъ» *Спенсера*, главнымъ современнымъ теоретикомъ этого направленія¹⁾. Четвертые — и это было самое разумное, но наименѣе распространенное направленіе, — старались оправдать и истолковать особое значеніе философій рядомъ съ наукою, отвергнувъ ея тождество съ этою послѣднею и разрабатывая далѣе указанную Кантомъ проблему двойственности познанія. Крупнѣйшимъ выразителемъ этого направленія является *Шопенгауэръ*, устанавливающій различіе міра, какъ *представленія* (наука), отъ міра, какъ *воли*, познаваемой непосредственно, интуитивно (философія). Другими представителями его, ранѣе Шопенгауэра, были Ф. Г. Якоби, отчасти Баадеръ и Шеллингъ, въ послѣднемъ фазисѣ развитія

---

¹⁾ Въ Германіи представителемъ этого направленія въ послѣднее время отчасти является Дюрингъ, съ своею попыткою основать «философію дѣйствительности», ибо и для него философій есть «наука изъ наукъ».

своей философіи,—причемъ однако всѣ эти послѣдніе мыслители выпадаютъ въ крайній мистицизмъ въ своихъ воззрѣніяхъ на объектъ философскаго познанія. Несомнѣнные же недостатки и противорѣчія въ Шопенгауэровскомъ мировоззрѣніи не даютъ и до сего времени утвердиться его правильному основному разграниченію ¹⁾).

Несомнѣнно, что преобладающимъ въ наше время среди людей науки воззрѣніемъ слѣдуетъ признать то, которое было упомянуто первымъ и которое состоитъ въ совершенномъ отрицаніи познаваемости сущности вещей и въ совершенномъ отверженіи философіи, какъ особаго познанія, дополняющаго науку. Выходя изъ идеи единства знанія, оно, конечно, разрушаетъ самостоятельное значеніе философіи и, въ силу того же принципа единства знанія, отвергаетъ на ряду съ наукою познавательную цѣну религіи, провозглашая науку единственнымъ законнымъ родомъ познанія и отношенія къ вещамъ, и признавъ устами Кюнта и религіозное и, противоположавшее себя наукѣ, особое философское познаніе только высшими ступенями познанія научнаго. Въ этомъ убѣжденіи, какъ и во всемъ на свѣтѣ, истина и ложь замѣчательно перепутаны. Истиною является то, что дѣйствительно въ древности религіозные интересы подчиняли себѣ научные и философскіе, впоследствии философскіе стали подчинять себѣ интересы религіозные и научные, а въ XIX в., вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, о которомъ сважу послѣ, научные интересы получили исключительный перевѣсъ надъ религіозными и философскими. Въ христіанскую эру, какъ мы уже сказали, религія деспотически подчиняла себѣ философію и науку до самой эпохи возрожденія (XV и XVI вв.), которая является именно протестомъ противъ такой односторонности. Но одна крайность порождаетъ другую: отчасти уже съ конца XVII в., но особенно въ XVIII в., философія, еще всецѣло поглощая въ себѣ всѣ науки, изъ ненависти къ внѣшней религіозной догмѣ, столь долго тѣнившей ее, стала вести ожесточенную борьбу не только съ религіозной догмой, но и съ

---

¹⁾ Главная ошибка Шопенгауэра та, что онъ признаетъ «представленіе о мірѣ» исключительно субъективнымъ, чѣмъ уничтожаетъ въ сущности принятый имъ контрастъ двоякаго способа познанія вещей.